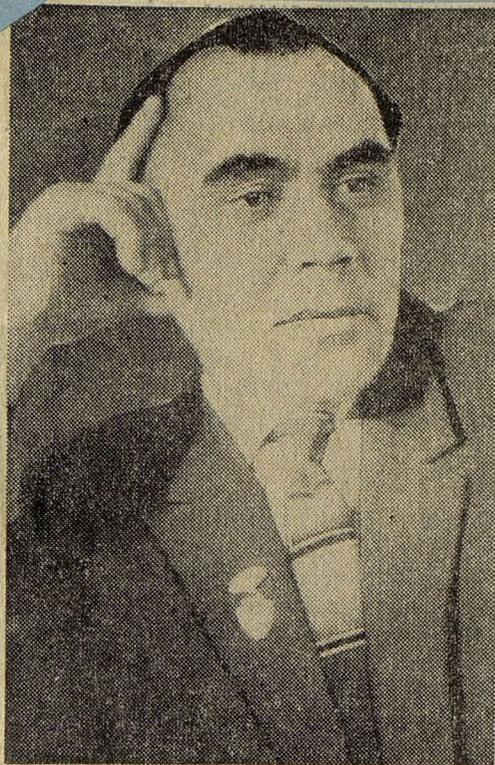


ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ РЕСПУБЛИКИ



ОН БЫСТРО и ловко гнал перед собой футбольный мяч по полю, обводил одного за другим противников и, наконец, красивым ударом забил гол. Потом, уставший, попросил попить. Ему поднесли бутылку. Жадно отхлебнул — и глаза полезли на лоб: оказывается, в бутылке была не вода, а... керосин.

Раздался олушительный хохот. Члены комиссии по приему в театральную студию смеялись так заразительно и долго, что сам «виновник торжества» чуть было не забыл, что он только сейчас играл роль футболиста, что никакая бутылка и никакого керосина не было — все это он изображал, выполняя заданный этюд.

Так, блестяще сдав последний экзамен, девятнадцатилетний кузнец Николай Кормушкин стал одним из двенадцати «счастливицков»: в студию при Благовещенском театре драмы было отобрано всего двенадцать человек из трехсот державших экзамены.

Сюда, в студию, его привела не просто любовь к театру. Мало ли людей любят театр? Но далеко не все становятся артистами. Николай уже с детских лет был непререкаемым участником школьных драматических кружков, повзрослев — стал играть в спектаклях, которые готовили участники художественной самодеятельности Дома учителя. И сюда, в студию, он пришел не потому, что, как многих юношей, его привлекала романтика труда артиста, а, в полном смысле этого слова, — по призванию.

Три года, проведенные в студии, пролетели удивительно быстро. Кажется, только вчера были лекции по литературе, истории театра, мастерству актера, практические занятия, а по вечерам — маленькие роли, участие в массовках. И вот уже позади учеба, ты уже артист. Хоть пока и не ахти какой, но все же артист.

Николай Васильевич не может сдерживать улыбки, вспоминая свою первую роль — слуги Арбеняна в лермонтовском «Маскараде». Через несколько дней в газете появилась рецензия. И в ней — о нем, о молодом артисте Кормушкине: «Слуга в этом спектакле — как сама жизнь, очень достоверный...»

— А я, — рассказывает Николай Васильевич, — до сих пор не могу забыть (хотя почти тридцать лет прошло), как плохо чувствовал себя на сцене. Ходил, как во сне, ничего не слышал — так волновался. Оказывается, «как сама жизнь». Бывает же такое! А потом ничего — привыкать стал. Привыкать и к тому, что множество глаз смотрит на тебя из затемненного

зала, что бьет в лицо яркий свет, заливающий сцену. Когда вторую свою роль играл — цыгана в «Бесприданнице» — уже понимал, зачем вышел, что и зачем говорю. Пригодилось то, что на гитаре играю, пою немного...

Вот таким оно было — начало творческой биографии Николая Кормушкина. Думал ли он тогда, молодой кузнец, что в год тридцатилетней работы в театре правительство удостоит его высокой награды — ордена «Знак Почета»? А недавно — еще одна радость: за заслуги в развитии советского театрального искусства Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Николаю Васильевичу Кормушкину было присвоено почетное звание заслуженного артиста Российской Федерации.

В ТОТ ДЕНЬ, когда в газете был опубликован Указ, Николай Васильевич год за годом перебрал в памяти все события в своей жизни, связанные с театром. Вспомнил и хорошее, и плохое. Иногда это были пустяки. Но почему-то именно эти пустяки врезались особенно отчетливо в память. Ну, как, скажем, забыть такое? Решили молодые артисты сами привести в порядок перед началом сезона здание театра. Одним из «заводил» был Павел Честнейшин — он сейчас на приiske «Октябрьский» руководит народным театром. Сами устанавливали паровое отопление, сами красили, белили. И вот, когда позвали директора посмотреть, как покрашено фойе, и, гордые, ждали похвалы, он вдруг схватился за голову, застонал:

— Что вы натворили? Что за дикий цвет? Да зрители от этих стен будут шараться! С каким настроением они спектакль смотреть будут?.. Перекрасить!

А вот еще эпизод. Во время войны это было. Тогда в театре штаты наполовину сократили. Приходилось быть одновременно и суфлером, и помощником режиссера, и по две-три роли в одном спектакле исполнять. Но играли, да еще при переполненных залах — шла война, а люди все равно жадно тянулись к искусству.

— Так вот, об этом эпизоде. Приехали мы в совхоз «Партизан», — вспоминает Николай Васильевич. — «Без вины виноватые» ставили. Зима. Клуб неоплавленный, стекла в нескольких окнах выбиты. Морозище-е! Но играли. В шубах, в валенках. Зуб на зуб не попадает. Трудно было ужасно. Наш актер Дима Шубинский (он тогда совсем мальчишкой был), наверное, помнит тот спектакль. Но зато, как нам аллодировали! Нет, такое не забудется...

Да, не изгладится это из памяти. Как не забудется десятки ролей — больших и маленьких, — сыгранных на сцене Амурского театра драмы. Взяточник, ростовщик, картежник Турунтаев в «Пучине». Пятеркин — в «Вассе Железновой», Пикалов — в «В Любови Яровой», Тартюф — в «Тартюфе», Присыпкин — в «Клопе», Сапер — в «Людях, которых я ви-

дел», солдат Блохин — в «Порт-Артуре», Могильщик — в «Гамлете», Боцман — в «Оптимистической трагедии», Шельменко — в «Шельменко-денщик»...

Да нет, не перечислить всех сыгранных ролей — и комических, и глубоко драматических. А каждая роль — это как частица твоего сердца, твоей души. Пока подготовишь ее, сыграешь на сцене — сколько труда вложишь, сколько без сна ночей проведешь! А иначе? Иначе нельзя, не получается иначе. Такое оно — искусство артиста драмы. Требует, кроме таланта, полной отдачи сил. А чуть «дал слабинку» себе, — сразу это зритель заметит. Равнодушным останется к роли, которую играет артист.

Труд, труд и труд — вот что такое процесс создания образа. Особенно ощутимо это почувствовал Николай Кормушкин, когда работал под руководством большого мастера сцены, заслуженного деятеля искусств РСФСР Николая Ивановича Уралова. Это он научил молодого артиста, работая над образом, глубоко и логически мыслить, уметь ответить на сотни «почему», «зачем». Научил кропотливо собирать в единое целое те звенья, из которых складывается то, что в театре называется сценическим действием, без чего невозможно создание цельного образа.

— Память об Уралове, — не только в том, что одна из улиц нашего города названа его именем, — став необычно серьезным, говорит Николай Васильевич. — Она, эта память, живет в десятках его учеников, которых он научил тому, что в искусстве не может быть никаких компромиссов, что сцене надо отдавать всего себя без остатка. И кто знает: не будь в свое время в моей жизни Николая Ивановича Уралова, стал бы я сегодня заслуженным артистом?

* * *

ТЕАТР — на пороге нового сезона. Для Николая Кормушкина этот сезон — начало четвертого десятка лет работы на сцене.

— Сейчас, — рассказывает он, — я готовлю две роли: провокатора Кузнецова в спектакле «Сердце Бонивура» и сыщика Копейкина — в спектакле «Конец империи». Образы, как видите, существенно отрицательные. Но будут у меня, обязательно будут, и роли положительных героев, комедийные. Все будет впереди — я очень верю в это.

Как это здорово, когда у артиста, который находится в самом расцвете своей творческой деятельности, «все будет впереди!» Это значит, что еще не один интересный, запоминающийся образ создаст на сцене своего родного театра орденосеи, заслуженный артист РСФСР Н. Кормушкин. А мы, давние поклонники нестарящего таланта Николая Васильевича, от всего сердца, от всей души желаем ему новых и больших творческих удач.

А. РИВЛИН.

На снимке: Н. В. Кормушкин.
Фото Л. Безрукова.

Зам. редактора
В. Я. СИНЯГИН.